

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

скателъ

3

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1981

Михаил ПУХОВ

Фантастический рассказ

Взялся — ходи.

Быковец на мгновение задержал коня над доской и поставил на новое место.

Отсюда конь достает до последних полей, которые остались у белых.

Ход коня как образ нуль-перехода.

Теперь, если белые пойдут ладьей, черные возьмут ее конем. Задаром. А другой ладьей белым ходить некуда. И королем. Пойдут ферзем — потеряют ферзя за фигуру. И любую фигуру отдадут за пешку. И главное — даже после жертвы ничего в позиции не изменится. Следующим ходом белым опять придется что-то отдать.

Ситуация, словом, точь-в-точь как позиция земной стороны в первом межзвездном контакте.

Быковец посмотрел через стол на Пичугина. Командир танкера глядел на деревянную доску. Руки опирались локтями о стол, массивный подбородок покоился на кистях. Пальцы сплетались и расплетались. Он искал дорогу — не к победе, к освобождению. Значит, еще не понял. Еще на что-то надеялся.

Быковец посмотрел за спину Пичугина, в зеркало, обрамленное полированным дубом. В зеркале отражался затылок Пичугина, весь седой. По затылку не чувствовалось, что его хозяин сейчас сдаст партию.

Еще в зеркале Быковец увидел свое лицо. Сильное, волевое, решительное. Глаза стальные, пуленепробиваемые.

Чрезвычайно решительное лицо... На обшитой буком стене над своей головой Быковец увидал часы-календарь. «Пора», — сказал он себе. В десятый, наверное, раз. Нельзя больше тянуть. Кончится эта стоянка — и нуль-переход, и Земля.

Взялся — ходи. В конце концов, не затем ты пробивался на этот танкер, чтобы побеждать за столом.

— Проиграл, — сказал Пичугин, останавливая часы. — Раздавил ты меня, Сеня. В последнее время ты очень сильно прибавил.

— У вас учусь, Петр Алексеевич.

— Да? Впрочем, не буду спорить... Еще одну?

Быковец отрицательно покачал головой, перевернул доску и стал собирать фигуры.

— Пойду на смотровую площадку. Прогуляюсь. Что-то мозги устали.

— Понимаю, — сказал Пичугин. — Но потом приходи, а? Трудно мне здесь одному. Дел, правда, куча, но часок как-нибудь выкроим.

Быковец молча кивнул, встал и вышел из кают-компания. Закрыл за собой дверь.

Перед ним лежал коридор, сейчас совершенно пустой. Естественно — стоянка подходит к концу, гипертанкер «Люцифер» готовится к финишному броску в Солнечную систему. Все оборудование уже проверено, уточняются программы, вносятся последние коррективы.

Время самое подходящее.

Быковец медленно шел по коридору, обшитому деревянными панелями. Да, древесины теперь много — земля нужна для новых посевов. Сжав кулаки, он шагал мимо закрытых дверей; все внутри было напряжено, но уверенность в успехе отсутствовала. «Фанатизма нет в тебе, Сеня, — подумал он. — Нет истинной веры. Что без нее человек?»

Он поравнялся с дверью очередной каюты. На застекленной табличке значилось: «Быковец Семен Павлович, младший штурман».

Быковец ускорил шаг. Вот и конец коридора. Слева воздушный шлюз; прямо, за переборкой, начинается обзорная палуба, а там — грузовой трюм, наполненный семенами с Линора.

Дверь последней каюты, напротив шлюза, открылась. Из каюты показался старший штурман Петров. Коллегу на «Люцифере» встретить нетрудно: навигаторов на танкерах много.

— Ко мне, Сенечка? Крайне сожалею, но ухожу. Вы извините — работа, ничего не поделаешь.

— Да нет, Аркадий Львович. Просто захотелось погулять по смотровсй палубе.

Старший штурман Петров смерил Быковца подозрительным — или так только показалось? — взглядом.

— Замерзнете, Сенечка. Скафандр хотя бы накиньте. Не топят ведь, как обычно.

— Вы так думаете?

— Я гипотез не строю. Смотрите. — Петров приоткрыл дверь на обзорную палубу. Оттуда потянуло морозцем. — Ключ-то у вас есть?

— Нет, — солгал Быковец. — Я же младший, Аркадий Львович. Откуда у меня ключ?

— Тогда возьмите мой. Я на работу, ключи мне там ни к чему.

Старший штурман Петров достал из кармана объемистую звенящую связку.

Вот этот вроде от тамбура.

Быковец взял ключи. Шлюз был рядом, напротив каюты. Замок щелкнул. Старший штурман Петров не уходил, стоял близко, дыша Быковцу в ухо.

Свет внутри загорелся сам, чуть тронулась дверь. На стене висели скафандры. У другой стены возвышались баллоны с воздухом. На стеллаже у третьей стены аккуратно стояли универсальные излучатели. В два ряда: длинноствольные в глубине, прикладами кверху, а портативные, в футлярах, в ячейках у самого пола. Не возьмешь, не нагнувшись.

— Берите любой, Сенечка. Они здесь все одинаковые, — сказал старший штурман Петров. — Но, умоляю, поторопитесь. Мне совершенно не хочется ссориться с Борисом Григорьевичем. Вы же его знаете, Веденского: спросит за самое мелкое опоздание.

— А вы не давайтесь, — посоветовал Быковец. — Напишите рапорт Пичугину.

— От Пичугина я лично стараюсь держаться подальше, — сказал Петров. — Между нами: какой из него командир танкера? Ни опыта, ни квалификации. О манерах не говорю. А Борис Григорьевич действительно строг, но зато справедлив. И блестящий, весьма образованный, знающий специалист. И прекрасный человек с очень тонкой душевной организацией. Я не хотел бы говорить о Пичугине плохо, но хорошо, к сожалению, не могу. По-моему, он попал сюда по ошибке. Он ведь раньше служил в астроразведке, вы разве не слышали?

— Знаю, — сказал Быковец. — А чья сейчас вахта?

— Кажется, Альберта Иосифовича. Но, прошу вас, Сенечка, берите скорее одежду. Нельзя же оставлять тамбур открытым, просто не полагается.

Быковец пересек тамбур и снял с вешалки скафандр. Посмотрел на баллоны с воздухом. Между ними был люк, выход из корабля.

— Воздух вам ни к чему, Сенечка, — сказал старший штурман Петров и вдруг засмеялся: — Вы стали как линорец, ей-богу. Такой же медлительный. Мне ведь давно пора быть в рубке, на вахте. Зачем мне ссориться с Борисом Григорьевичем?

Быковец шел назад мимо стеллажа с лучеметами, неся перед собою почти невесомый скафандр, и смотрел на старшего штурмана. Тот нетерпеливо переминался в дверях.

Быковец уронил скафандр на стеллаж. Нагнулся. Сквозь тонкую ткань нащупал футляр с пистолетом. Когда поднял отяжелевший скафандр, на стеллаже осталась пустая ячейка. Он посмотрел на Петрова. Тот не заметил опустевшей ячейки.

Быковец вышел в коридор.

— Помочь? — спросил старший штурман Петров.

— Спасибо, Аркадий Львович, — вежливо сказал Быковец. — Вы же торопитесь. Я его на плечи накину, если замерзну.

— Хорошо, Сенечка. Вахта, вы уж меня извините. Зачем мне лишние разговоры?

Он спрятал ключи в карман и пошел по коридору в нос корабля. Быковец проводил его взглядом и отворил дверь на смотровую палубу.

Здесь со всех сторон мягко светили звезды. Вверху, под ногами — всюду. Было действительно холодно. Быковец прикрыл дверь, сунул футляр с излучателем за пояс. Закинул скафандр за спину — штанинами через плечи, связал их узлом на груди. Так будет лучше. И правда замерз бы, не подвернись этот Петров...

Коридор расширился конусом, словно бутылочное горлышко. Его стены были прозрачны. За ними сияли звезды. Вниз вели ступеньки. Стеклянные, похожие на ледяные, но вовсе не скользкие.

Быковец быстро спускался по прозрачным ступенькам. На звезды он не смотрел и уже ни о чем не думал. Все было обдуманно раньше. Сейчас он был запрограммирован своими прошлыми мыслями, как человек, впервые прыгающий с парашютом.

Спуск кончился. Противоположная стена сильно расширившегося цилиндра потерялась вверху. На смотровой палубе было светло от звездного света.

Значит, привыкли глаза.

У входа в грузовой трюм — помещение здесь опять сузилось, так что пришлось подниматься по таким же ступенькам, — висела черная фигура. Один из роботов-грузчиков, теперь страж. Странный обычай — ставить охрану у трюмов и возле реактора. Впрочем, не такой уж странный.

Робот преградил Быковцу дорогу. Простой ИМ — исполнительный механизм корабельного мозга.

— Дальше идти нельзя, — бесстрастно сказал центральный компьютер через динамики робота. Рядом с динамиком на «голове» робота располагались зрительные детекторы. Ниже началась гибкая шея. Металлический корпус. Очень сильный манипулятор. И гусеница внизу.

— Мне надо. — Быковец попытался отвести робота в сторону. Тот уперся. — Я иду со специальным заданием: должен сделать замеры влажности в грузовом трюме. Таков приказ командира танкера, Петра Алексеевича Пичугина.

Робот не ответил, но дорогу не освободил. Правда, на последнее Быковец и не рассчитывал. Он стоял на нужном расстоянии, почти вплотную, и знал, что сейчас последует. Против робота человек бессилён. У компьютера реакция быстрее, чем у любого человека. Поэтому нельзя на равных бороться с роботом. Пока робота контролирует компьютер.

— Ты, Семен? — произнес робот бодрым голосом вахтенно-го штурмана Альберта Минца. — Что ты затеял?..

Отвечать Быковец не стал. Вместо ответа он резко ударил ребром правой ладони по гибкой шее автомата и одновременно левым кулаком ткнул его в бок, целясь туда, где под тонким панцирем прятались коммутаторы. Сталь прогнулась, внутри затрещало. Тут же Быковец нанес роботу тяжелый удар ступней по нижней части корпуса. Робот накренился и начал валиться на бок. Не дожидаясь, когда он упадет, Быковец шагнул вперед и поймал ключом замочную скважину.

— Что происходит, Семен?! — заорал робот. — Что происхо...

Ключ повернулся. Но металлическая лапа настигла Быковца и отшвырнула его назад. Робот лежал на боку, бессильный подняться, но его манипулятор уже опять знал, что следует делать.

Отовсюду светили звезды. Быковец лежал на стеклянном полу. Неизвестно, сколько прошло времени. Робот преграждал дорогу. Манипулятор угрожающе шевельнулся, когда Быковец сел. Значит, снова подключили к компьютеру. Но теперь все равно.

Быковец медленно извлек пистолет. Тяжелый, холодный. Поднял оружие, чувствуя себя убийцей.

«Не валяй дурака, — сказал он себе. — Это просто ИМ. Исполнительный механизм. Механизм. Сейчас прибегут другие, такие же исполнительные».

Он зажмурился и потянул спуск. ИМ — черт с ним. Вспышка ослепила его даже сквозь закрытые веки.

Быковец открыл глаза. Манипулятор лежал неподвижный — отдельно от робота. Быковец встал на ноги. Перешагнул через изувеченный автомат, вынул ключ из замочной скважины, навалился плечом. Люк медленно распахнулся. И тут же в грузовом трюме вспыхнул искусственный свет.

Левой рукой Быковец взялся за люк. Правая сжимала рукоятку пистолета. Лучемер пригодился. Уже сейчас, до начала настоящего дела.

Быковец посмотрел назад. Робот лежал навзничь — с вмятым боком, искалеченной шеей и почти перебитым корпусом. Плечо его было оплавлено, зрительные детекторы отражали холодный свет звезд. Рядом валялся манипулятор, тоже обезображенный.

Далеко-далеко в темноте терялся выход в коридор. Оттуда еще никто не бежал. Там была закрытая дверь. Закрытая. Никто не бежал оттуда. Даже роботы, а они бегают быстро.

Стоя на пороге трюма, Быковец опустил ствол излучателя вниз. В прозрачный пол ударили белые молнии. Стекло пошло пузырями. Воронка углублялась и ширилась. И вдруг зашипело. Воздух со смотровой палубы рванулся наружу, в пустоту.

Люк стал медленно закрываться. Быковец придержал его. Вдали, в темноте, возникло пятно света. Кто-то из коридора открыл дверь на смотровую палубу.

Быковец поднял пистолет. Чей-то силуэт рисовался на фоне белого пятна коридора. Силуэт человека, не робота.

Быковец сдвинул прицел. Белые молнии ударили в далекую стену совсем рядом со светлым отверстием. Человеческий силуэт отодвинулся в глубь коридора, пятно света исчезло.

Дело сделано. Быковец шагнул в трюм и отпустил массивный люк. Тот неторопливо захлопнулся под напором воздуха. Ветер утих. Быковец сунул лучемер за пояс — ствол обжигал — и сел прямо на покрытый инеем пол. В трюме было очень холодно, но Быковец весь обливался потом.

Он вытер ладонью лицо и встал. Помещение, вначале просторное, в нескольких метрах от входа сужалось, превращаясь в длинный коридор, стены которого были образованы двумя аккуратными рядами контейнеров. Груз семян, который они везли в Солнечную систему.

Сейчас грузовой трюм отделен от жилых отсеков надежной вакуумной стеной — смотровой палубой, заполненной пустотой.

Дело сделано, но времени терять не следует. Быковец подошел к стеллажам, с натугой снял один из контейнеров. Надавил замок. Крышка откинулась.

Контейнер наполняли крупные желтые семена, похожие на кукурузу. Быковец поднял пистолет.

Короткая вспышка — и содержимое контейнера превратилось в обугленную золу.

Проклятое семя!

Содержимое контейнера. Одного. А всего их — несколько сот. Значит, надо работать.

Снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Быковец взялся за третий контейнер и вдруг уловил сбоку какое-то движение. Обернулся, держа пистолет наготове.

Засмеялся. Это был действительно робот, но коммуникационный. Телекамера на колесах, совершенно неопасная. Впрочем, если ее хорошо разогнать...

Робот летел к нему по длинному проходу между двухэтажными стеллажами. Быковец поднял пистолет. Так. Сперва по глазам. Потом по колесам.

Телекамера завертелась на месте. Волчком. Остановилась.

Он опять повернулся к контейнеру. Снял его, надавил замок. Крышка откинулась.

Еще один ящик, полный обугленной пыли. Быковец потянулся за новым контейнером.

Кто-то захрипел сзади, будто в агонии. Быковец обернулся. В помещении никого не было. Только телекамера, обезображенная лучевыми ударами.

— Шемен, — сказала телекамера незнакомым шипящим голосом. — Прекрати безобразия. Перештань, добром прошу. Учти, я тебя вижу.

Одинокий стеклянный глаз смотрел на Быковца из центра оплавленного ожога.

— Перештань шейчаш же, — повторила камера. — Ты шпятил? Ты меня шльшишь?

— А ты кто? — спросил Быковец.

— Минц, — сказала камера хрипящим, неузнаваемым голосом. — Альберт Минц, вахтенный штурман.

Чудом уцелевший объектив глядел властно, гипнотизировал. Быковец поднял пистолет.

— Не шмей, — прошипела камера. — Перештань шейчаш же!

Быковец тщательно прицелился. Он мысленно видел своих коллег-навигаторов, сгрудившихся сейчас в рубке под черным дулом его пистолета.

— Нет! — ясно сказала камера.

Быковец нажал спуск. Стеклокамера затряслась свежим белым ожогом.

— Шенечка! — шепеляво воскликнула камера. — Перештаныте... Зачем же вам неприятности? — Она помолчала, потом добавила: — Он шолол ш ума. Интересно, и где это он доштал себе блаштер?..

Ствол лучемета все еще смотрел на нее. Быковец опустил оружие. Пусть говорит.

Он повернулся к телекамере спиной.

— Шолол ш ума, — шелестели голоса. — Шпятил. Шумашедший! Шумашедший. Шумашедший...

Быковец откинул крышку контейнера. Проклятое семя! И снова грянула молния, и вновь желтые семена превратились в черную пыль.

Голоса в телекамере затихли. Иногда оттуда доносились слабые хрипы и шорохи, отдельные неразборчивые слова, но Быковец не прислушивался к этим звукам.

Он работал быстро, автоматически — один за другим снимал со стеллажей тяжелые ящики с этикетками «Золото», «Серебро», «Медь», вскрывал их и жег то, что было внутри. Он делал это спокойно и методично, не испытывая чувств героя Брэдбери, для которого «жечь было наслаждением». Ничего такого он не ощущал — только злость в самом начале, когда он себя соотвественно настроил. Но злость скоро прошла...

Уже давно люди построили счастливое общество, свободное от денег и эксплуатации. Давно вышли в космос и освоили ближайшие звездные системы. Человечеству не хватало лишь одного — хоть каких-нибудь братьев по разуму...

Так было, пока земные звездные корабли не наткнулись на планету Линор. Человечество обнаружило мир, заселенный, бесспорно, разумными, мирными и трудолюбивыми человекоподобными существами, высшее счастье которых, по всей видимости, заключается в том, что они выращивают каждый свое дерево... И эти очень специализированные голубые и розовые растения дают своим хозяевам продукты питания, ткани, строительные материалы, полезные ископаемые. Они могут извлекать из грунта и аккумулировать в себе любые элементы периодической таблицы и их всевозможные сочетания. И все они обязательно выделяют воздух — громадное количество воздуха...

Растения, производящие воздух, весьма полезны при освоении новых планет. А это то самое дело, которым так давно и с такой любовью занимается человечество. И вот уже желтые семена с Линора несут на Землю красавцы гипертанкеры, братья светоносного «Люцифера». А на Земле вырубаются леса, выкорчевываются светлые рощи, и в нашу родимую землю зарывается это проклятое семя. Мы оплодотворяем свою планету желтыми семенами с Линора и ждем, когда они превратятся в голубые и розовые всходы. И ждать не приходится долго. Они ведь очень неприхотливы и универсальны, эти растения с планеты Линор. Они всегда принимаются, всходят на любой

почве, в которую попадают, и всюду цветут пышным и сочным голубым и розовым цветом.

А мы дышим воздухом, которым бесплатно снабжают нас эти замечательные растения...

Бесплатно...

Быковец работал автоматически: снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Голубые и розовые растения, восходящие из этих семян, дают нам металлы, пищевые продукты, одежду и все, что угодно. Прежде всего воздух. Но мы вырубаем наши леса, и вся наша планета становится голубой и розовой. Как Линор...

Быковец снял со стеллажа очередной контейнер. На крышке стояло: «Золото».

Значит, если посадить одно из этих зернышек в землю, оно прорастет, станет деревом и начнет выкачивать из почвы рассеянный в ней драгоценный металл. Оно протянет свои корни куда угодно. Оно генетически запрограммировано на поиски золота, и оно будет его добывать. Будет откладывать его в своих тканях. Потом оно даст семена, и после этого его можно будет срубить, а еще лучше вырвать из почвы вместе с корнями, потому что к моменту зрелости и корни его будут состоять почти сплошь из золота. И все это время — а процесс накопления может продолжаться десятилетиями — оно будет очищать атмосферу, вырабатывать громадные количества кислорода.

Чудо-дерево, облегчающее жизнь человека...

Как бы не так!

Вероятно, все начинается именно с этого. Сколько нужно линонских растений, чтобы выкачать все золото с одного, скажем, гектара нашей терпеливой, но небогатой земли? Одно, максимум... Но в земле, хоть она и бедна, есть и другое. Углерод, азот, кремний — не счесть всего, что можно отнять у земли. Так возникают на ней инопланетные смешанные леса. Каждое дерево сосет из почвы свое, и каждое требует индивидуального ухода. И к каждому ставят по человеку, чтобы ухаживал за деревом, охранял. И реализовал его плоды. Каждый по себе. А что делать тому, кому не достанется своего дерева? Все мы дышим теперь воздухом, которым безвозмездно снабжают нас эти чудо-растения. Мы постигаем точную науку обмена и становимся все больше не от мира сего, а от мира того — от Линора с его голубыми и розовыми красками. Нам становятся все ближе и все понятнее его обитатели, которые выращивают каждый свое дерево и затем обмениваются плодами. И мы становимся совсем другими людьми...

Быковец потянулся к стеллажу за следующим контейнером. Тот стоял высоко, на втором этаже, и скафандр, скользнув штанинами по плечам, с шестом упал на поле: Быковец не заметил, когда на груди развязался узел. Он наклонился за скафандром и внезапно ощутил слабость в коленях. Ноги устали. Казалось бы, ничего особенно не делал, но очень долго стоял на ногах. Слишком долго для человека, приученного к сидячей жизни. Приученного сидеть и не рыпаться...

Он оглянулся назад, на плоды своих сегодняшних трудов.

Рядом с опустевшими стеллажами тянулся извилистый ряд ящиков, наполненных пеплом. Довольно много уже, не вдруг считаешь.

Он закрыл очередной ящик, опустился на его крышку и некоторое время сидел расслабившись, отдыхая. Потом натянул скафандр, предварительно переложив ключи в его левый нагрудный карман.

Скафандр был легкий, почти не стеснял движений. Мягкий шлем свободно висел за плечами, подобно капюшону дождевика.

В трюме стояла тревожная тишина. Хрипящая телекамера осталась позади, затерявшись среди ящиков с черной пылью, и до ушей Быковца уже не доносились звуки, которые она издавала. В той стороне извизгался неровный ряд вскрытых и обработанных ящиков; впереди, справа и слева, насколько видел глаз, тянулись двухэтажные стеллажи, залитые белым искусственным светом. Быковец занимался пока правым рядом, но продвинулся не более чем на одну десятую часть пути до конца трюма.

Пройдено 10 процентов пути. Даже пять, если учесть дорогу назад с работой в левом ряду. И неизвестно, что ждет впереди. План трюма Быковец знал: приблизительно 150 метров сплошных стеллажей, посередине слева воздушный тамбур, еще один выход из корабля, а в конце — титановая стена, отгораживающая грузовой трюм от энергетического сердца корабля — реакторного зала. Но неожиданность может подстергать на каждом шагу. А их все еще оставалось примерно две сотни. Например, роботы, охраняющие реактор. Где они? Неужели руководство предусмотрительно упрятало их за бронированные двери?..

Да, настало время осмотреться. Зачем уподоблять себя страусу, сунувшему глупую голову в желтый песок? Но главное, конечно, не это.

Быковец поднял излучатель, посмотрел на счетчик заряда. Тот стоял на нуле. Даже так. Быковец прицелился в один из контейнеров и нажал на спуск. Ничего не последовало. Он бросил использованный инструмент в кучу пепла. Стало совсем неуютно. Пора. Небольшая прогулка не повредит.

Он медленно и осторожно, всматриваясь вперед, шагал по пустому узкому коридору, образованному двухэтажными стойками. Неудачно получилось, но будем надеяться на фортуны. Почти невесомый скафандр согрел лучше меховой шубы. Красочные этикетки на ящиках били в глаза, как афиши с рекламных щитов: «Уран», «Платина», «Нефть»...

Стеллаж слева наконец прервался. Короткое ответвление в нескольких метрах завершалось закрытым люком воздушного шлюза.

Дверь была точной копией той, за которой совсем недавно — а кажется, миновали сутки! — Быковец при содействии старшего штурмана Петрова обзавелся скафандром и пистолетом. Стандартизация! Он достал ключ из кармана скафандра.

Одинаковые двери — если они по-настоящему одинаковы — всегда открываются одинаковыми ключами. Стандартизация! Все

воздушные шлюзы «Люцифера» и других гипертанкеров можно открыть одним и тем же ключом. Один ключ для всех трюмов, один для всех тамбуров, один для всех реакторных залов...

Быковец повернул ключ. Дверь распахнулась.

Внутри тамбур выглядел неотличимо от того, коридорного. Стандартизация! Такие же скафандры, баллоны с воздухом, точно такие же лучеметы...

Быковец закинул за пояс четыре пистолета в футлярах и взял в каждую руку по мощному длинноствольному излучателю. Тяжелые, с хорошим ресурсом. Он вышел из тамбура, прикрыл за собой дверь. На ключ запирать не стал — к чему? Все равно он здесь один и еще долго будет один.

Он осторожно выглянул в коридор. Пусто. Ну что ж, момент они упустили. Другого, видимо, не представится. Но он пока не пошел дальше по проходу, ведущему в кормовую часть «Люцифера», к реакторному залу и роботам-стражникам, а вернулся назад, на свое место. Громадные горы пепла произвел ты сегодня, Семен Быковец. А что будет, если попробовать для интереса не желтые семена сеять в землю, а удобрять ее этой черной линорской пылью?

Быковец поставил оба ружья за ящики с семенами. Положил рядом два излучателя в футлярах. Посмотрел и одобрительно улыбнулся: хорошо замаскировано, чужой не найдет. «Да от кого ты их прячешь? — мысленно выругал он себя. — И вправду «шпятил», Семен Быковец...»

Освободив оставшиеся два пистолета от футляров и сунув их за пояс, Быковец пошел дальше, пересчитывая стерилизованные ящики. Сорок две штуки. Не так много, но и немало. Во всяком случае, начало положено, и не такое плохое.

— Семен Павлович! — произнесла вдруг изувеченная телекамера (а он-то и думать забыл про нее) ясным голосом главного штурмана. — Отзовитесь, призываю в последний раз. Я — Веденский, ваше непосредственное начальство.

Быковец удивленно посмотрел на коммуникационного робота. Неужели этот примитивный автомат способен к регенерации? Тогда нужно держать ухо востро. Впрочем, восстановить электронные цепи нетрудно. Гораздо легче, чем развороченное шасси. Так что волноваться пока преждевременно...

— Здравствуйте, Борис Григорьевич, — вежливо сказал он. — Давно не слышал вашего голоса.

— Не лгите, вы слышали его десять минут назад, — сказал Веденский. — Но не будем напрасно спорить. Семен Павлович, я ожидаю, что вы объясните нам смысл своих бессмысленных действий. Для чего вы заперлись в грузовом трюме? На каком основании вывели из строя два дорогостоящих механизма и нарушили герметичность обзорно-смотровой палубы? Как могли осмелиться поднять оружие против ваших товарищей, с риском для жизни пытавшихся вам помешать? Наконец, почему вы не откликаетесь, когда к вам обращается старший по званию? Что означают все эти неслыханные нарушения устава и дисциплины? Я требую объяснений.

— Вероятно, Борис Григорьевич, — коротко сказал Быковец, — они означают, что я действительно помешался. Моиими

помыслами овладели демоны зла, и я решил уничтожить груз. Надеюсь, вас удовлетворило мое объяснение?

— Не лгите, — внушительно произнес Веденский. — Перед тем как связаться с вами, я консультировался у специалистов. Врачи утверждают, что состояние вашего физического и психического здоровья не вызывает у них ни малейших сомнений. Вы здоровы как бык, Семен Павлович, и учтите: это зафиксировано в соответствующем документе. Почему вы молчите?

— Со специалистами спорить трудно. Но я уже высказался.

— Мне кажется, вы просто забыли, кто вы такой, — продолжал Веденский. — Вы штурман, Семен Павлович. Вас шесть лет обучали тонкому искусству доставлять груз точно по адресу. Планета тратила на вас время, силы и средства. Но чем вы платите за добро? Что вы делаете вместо благодарности? Что делаете вы на складе, да к тому же еще и с оружием?.. Отвечайте, я вам приказываю!..

— Прошу вас, не расходуйте энергию попусту, — сказал Быковец. — Я решил уничтожить все, что смогу, и не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Извините, Борис Григорьевич, я сейчас занят.

— Вас будут судить, — произнес Веденский.

— Пусть, — сказал Быковец. — Только не пытайтесь подослать ко мне роботов. Здесь хороший обзор, и я вооружен. Телекамера опять омертвела. Вероятно, рубка временно отключилась. Из динамика уже не слышалось ни речи, ни приглушенных голосов, ни даже обычных шумов, тресков и шорохов.

Значит, война объявлена обеими сторонами. Но, чтобы спокойно работать, нужно обеспечить себе тылы.

Быковец опять пошел в глубину склада, зорко вглядываясь вперед. Нигде никакого движения. Вероятно, стража действительно отсиживается за стеной.

Он шагал мимо ящиков, наполненных обугленной пылью. Порядок безнадежно нарушен. Когда он пришел сюда, все стояло по струночке, как уложили еще в порту роботы-грузчики — те самые, что сейчас охраняют реактор. Любопытная операция — загрузка транспорта на Линоре. Порт выглядит так, словно ты оказался дома. Все оборудование и впрямь изготовлено на Земле. Земля поставляет его линорцам в обмен на желтые семена. Тонкое искусство торговли, уже освоенное в деталях инициативными и способными учениками...

Во второй раз за сегодняшний день Быковец поравнялся с тамбуром. Свернул из главного коридора, подошел к люку, потянул дверь. Дверь не поддавалась. Он смотрел на нее в недоумении — отчетливо помнил, что не запирает ее, когда уходил. Он сильнее подергал дверь. Она не поддавалась. Тогда он достал ключ из нагрудного кармана, вставил в замочную скважину.

Ключ не поворачивался.

Дверь не открывалась.

Итак, события начинались. Он ушел отсюда полчаса назад. Что могло случиться за полчаса?

Ничего не могло случиться, но дверь не открывалась.

Быковец постоял еще минуту, бессмысленно пялясь на дверь. Так бывает, когда открыт внешний люк. Например, если какой-то

корабль причалил снаружи к тамбуру. Но за бортом «Люцифера» нет ничего — ни космолетов, ни станций. Там пустота, и до Земли долгие световые годы.

Не стоит терять времени. Дверь каким-то образом заклинило, ну и что? Сейчас неподходящий момент для решения ребусов. Важнее проверить обеспеченность тыла. Быковец быстрым шагом направился дальше.

Ряды контейнеров уплывали назад. «Кобальт», «Хлопок», «Шерсть»... «Спирт», «Бумага»...

Вот и конец коридора. Обшитые толстым титаном створки, естественно, заперты наглухо. Тишина и неподвижность. Ни единого робота по эту сторону. Все они скрываются за бронированной дверью. Да, Веденский и К° знают свое дело. Они знают свое дело, мы будем делать свое...

Если кто-нибудь вдруг распахнет эти крепостные ворота и напустит оттуда роботов, то ничего не стоит перестрелять их поодиночке. Против беззвучных молний бесполезна их компьютерная свержреакция. А поскольку Веденский, несмотря на свои слова, наверняка считает Быковца сумасшедшим, то он больше боится нападения на реакторный зал. Конечно, никто не хочет взлететь на воздух — если можно сказать так о корабле, плавающем в пустоте. Вот чего они опасаются. Пусть.

Быковец постоял немного, прислушиваясь. За массивными створками было тихо. Он повернулся и двинулся в обратный путь. Ладно. Люк не может открыться беззвучно. Быковец шагал медленно, вслушиваясь в тишину трюма. Его мышцы наслаждались прогулкой после монотонной работы портового автомата. Снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Он миновал закрытый вход воздушного шлюза и приблизился к ящикам с золой. Час потехи окончен, время принимать за дело. Поставил на пол новый контейнер, надавил запор — и вдруг почувствовал, что сзади кто-то на него смотрит. Этого не могло быть. Смотреть на него могли только из изувеченной телекамеры, но нет еще человека, который среагировал бы на взгляд, прошедший через электронные преобразователи.

Быковец медленно обернулся.

Позади него на пустом ящике, в стороне, недалеко от входа в трюм, сидел командир танкера Петр Алексеевич Пичугин, одетый в легкий скафандр с отброшенным на спину шлемом. Массивный подбородок опирался на руки, упертые локтями в колени.

Минуту они молча смотрели друг на друга.

— Ну, как ты здесь, Сеня? — сказал Пичугин, выпрямляясь. — Подойди-ка, поговорим. Только спрячь, будь добр, свою пушку.

Быковец опустил лучемер.

— Как вы сюда попали?

— Как попал — это мое дело, — отозвался Пичугин. — Давай лучше вместе подумаем, как нам выбраться из этого положения. Присаживайся, правды в ногах нет.

Быковец приблизился, опустил крышку ближайшего ящика, сел.

— Я не собираюсь тебя пугать, — сказал Пичугин. — Мы

взрослые люди, Сеня, и сами отвечаем за свои поступки. Что тебя ждет, ты знаешь лучше меня. Но я тебя понимаю.

Быковец ничего не сказал.

— Собственно, ты можешь не объяснять, — продолжал Пичугин. — Естественно, мои навигаторы — а фантазия у них убогая — убеждены, что ты помешался. Я с ними не спорил. Только не вздумай, что я оправдываю твоё поведение.

Быковец молча слушал.

— Ты можешь ничего не рассказывать, — повторил Пичугин. — Ситуация, в общем, простая. Для освоения новых миров нам позарез нужны линорские растения. Линорцы дают семена, мы поставляем кое-какую технику и даже оборудуем порты в некоторых районах планеты. Все нормально, казалось бы. Так?

— Да, — кивнул Быковец.

— Семенами с Линора засевают Марс и Меркурий. Пустынные каменные шары обзаводятся кислородными атмосферами. На Марсе уже можно жить, хотя пока не совсем по-людски. Но тебя волнует, конечно, не это.

— Естественно.

— Тебя тревожит другое. Тебе не по вкусу ввоз этих растений на Землю. Тебе не нравится, что на нашу почву в громадных количествах попадает линорское семя. Тебя не устраивает, когда во имя посева вырубаются наши леса. Тебе неприятно, что весь наш корабль обшит изнутри полированным деревом — не линорским, земным. И еще неприятнее, когда на твоих глазах уничтожают березовую рощу, где ты бегал мальчишкой, а потом в первый раз целовался, и насаждают на ее месте розовоголубые линорские кущи... Однако беспокоить по-настоящему все это тебя не может. Тебя тревожит другое.

— У вас есть дети? — спросил Быковец.

— Я уже дедушка, — усмехнулся Пичугин. — Внучек, смысленный малыш, просит купить ему разные вещи. Очень долго мечтал о собаке, а когда я принес щенка, спросил: «А во сколько он тебе обошелся?» Так что я все это знаю. Но большинство не понимает, откуда дует ветер. Как тебе кажется, в основном потому, что люди не подозревают о твоих взглядах. И тогда ты бунтуешь... Ты что, специально для этого учился на навигатора, Сеня?

— Да, — сказал Быковец, — но не в этом суть. Вы не упомянули о главном, Петр Алексеевич. Линор — это биоцивилизация, и все импортируемые нами растения проходят генную обработку. Я не знаю, что происходит с воздухом, который они выделяют. Но миллиарды людей дышат теперь этим воздухом. Раньше его нам дарили тайга, океаны, степи. Ныне мы вдыхаем воздух Линора и сами перерождаемся генетически. Торгашеский дух Линора входит к нам в кровь через легкие, через раскрытые от восторженного изумления рты, и мы становимся другими. И когда все мы начнем выращивать каждый свое дерево, человечеству придет конец. Не мы пользуемся их дарами, а они превращают нас в себе подобных.

— Ты сгущаешь краски, — сказал Пичугин.

— Нет, — сказал Быковец. — Я много думал об этом.

Они помолчали.

— Но идет и обратный процесс, — сказал наконец Пичугин. — Те, кто много бывал на Линоре, видят, что там тоже все постепенно меняется. Мы даем им свои машины, управлять которыми можно лишь коллективно. Они узнали от нас, что такое наука, искусство. Узнали, что такое книги. Меняемся и мы и они — такова диалектика.

Пичугин умолк. Быковец сказал:

— Разные изменения, Петр Алексеевич. Возможно, для них это действительно развитие. Для нас — деградация. Торгашество — это ведь у нас было. Зачем забывать, какой ценой мы от этого отказались?..

— Правильно. Но и ты забываешь одну важную вещь. Ты забываешь, что есть люди, облеченные властью. Думаю, происходящее волнует не только тебя. Наверняка они принимают меры. Они знают больше, чем ты. Им виднее, что делать.

— Вы уверены? — сказал Быковец.

— Да. Общество состоит из людей, Сеня. Точно так же, как организм построен из клеток. На чем основана нормальная работа организма? Каждая клетка делает то, что ей положено делать. Иначе организм гибнет. То же самое грозит обществу. Каждый должен делать то, что ему надлежит. Ты ведешь корабль в порт назначения, я обеспечиваю его сохранность, а еще кто-то думает о пресечении линорских влияний. Каждый должен делать свое дело. Свое, понимаешь?..

Наступила долгая пауза.

— Возможно, вы правы, — сказал потом Быковец. — Я обещаю вам подумать об этом, Петр Алексеевич. Но для этого лучше, чтобы я остался один.

Пичугин молча поднялся, пристегнул шлем и пошел в глубь коридора, к воздушному тамбуру.

Телекамера смотрела на Быковца пустым взглядом сожженного объектива.

— Вы были правы, Петр Алексеевич. — Быковец встал. — Я все обдумал и все решил. Каждый должен делать свое дело. И я буду делать свое.

Он повернулся спиной к телекамере и пошел вдоль неровного ряда контейнеров. Потом поднял пистолет — и новая порция желтых семян превратилась в обугленную золу.

